

СОДЕРЖАНИЕ

Николас Спикмэн

ГЕОГРАФИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Фактор размера	6
Фактор местоположения	24
Местоположение государств	39
Различия между морскими и континентальными державами	56

Николас Спикмэн

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ЕВРАЗИИ

Схема Маккиндера	76
Хартленд	81
Римленд	85
Оффшорные континенты	86
Динамическая модель евразийской политики	88

<i>Альфред Мэхэн. США смотрят за пределы своей территории . . . . .</i>	<i>92</i>
---	-----------

Карл Шмитт

НОМОС ЗЕМЛИ

Море против земли	101
Новый номос Земли	106
Понятие политического	113
Теория партизана	138

Николас Спикмэн

ГЕОГРАФИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

ФАКТОР РАЗМЕРА

«Политика всех держав предопределена их географией», — признал тот, чье известное выражение: «Обстоятельства? Это я, я сам создаю обстоятельства!» — указывает на его презрительное отношение к каким бы то ни было факторам за исключением человеческой воли, являющейся вершительницей людских судеб (имеется в виду Наполеон Бонапарт. — *Прим. перев.*). Но с тех пор, как Красное море расступилось перед Моисеем и Солнце любезно приостановило свое движение для Иисуса Навина, человеческая воля оказалась неспособна вновь установить контроль над рельефом местности и климатом, однажды продемонстрированный этими великими мужами, и, стало быть, можно с уверенностью сказать, что именно благодаря российской географии, а не народу был в конечном счете побежден маленький корсиканец. И по сей день в Ватерлоо, если он все еще жив, есть верноподданный гид, который с непоколебимой убежденностью утверждает, что вовсе не гений или мастерство, а болотистая местность принесла ту победу Веллингтону.

К сожалению для политолога с его склонностью к упорщению и к счастью для государственного деятеля, стремящегося преодолеть географические несовершенства своей страны, внешняя политика не во всем предопределяется географией, но в некотором отношении политика целиком зависит от географии. Факторы, обуславливающие политику государств, многочисленны; они бывают

постоянными и временными, очевидными и скрытыми; они включают в себя помимо географического фактора, плотности населения, экономической структуры страны, этнического состава ее жителей, формы правления еще также комплексы и любимые предрассудки министров иностранных дел; и их одновременное действие и взаимодействие порождают сложное явление, называемое «внешней политикой».

Задача ученого, занимающегося исследованием общества, — попытаться найти в огромной массе исторического материала взаимосвязи между обуславливающими факторами и типами внешней политики. Это означает, что изучение истории дипломатии должно быть дополнено поиском моделей поведения государств под воздействием различных стимулов и в меняющейся международной обстановке. Научный метод требует, чтобы поиск работал посредством абстракции, но здравый смысл предупреждает, что взаимосвязи, найденные посредством такой абстракции, могут быть сами по себе только частичными, неполными объяснениями конкретных исторических ситуаций.

Из множества факторов, предопределяющих внешнюю политику государств, Наполеон, несомненно, указал наиболее значимый. Война была инструментом национальной политики в его время и остается таковой сегодня, и в мире, где различные группировки борются за власть посредством войны, политика становится высшей стратегией.

В таком мире географическое местоположение государства является той территориальной базой, с которой оно осуществляет свои действия во время войны, и стратегической позицией, которое оно занимает в течение временного перемирия, называемого миром. Это наиболее существенный фактор, обуславливающий формирование национальной политики, потому что он является наиболее постоянным. Министры приходят и министры уходят, даже диктаторы умирают, но горные хребты стоят невоз-

мутимо. Джорджа Вашингтона, защищавшего тринадцать штатов потрепанной армией, сменил Франклин Рузвельт, имеющий в своем распоряжении ресурсы целого континента, но Атлантика продолжает обнадеживающе отделять Европу от Соединенных Штатов и порты Святого Лаврентия по-прежнему заблокированы зимними льдами. Александр I, Император Всероссийский, завещал Иосифу Сталину, простому члену Коммунистической партии, не только свое могущество, но и непрекращающуюся борьбу за выход к морю, а Клемансо (Клемансо, Жорж Бенжамен (1841—1929) — французский политический и государственный деятель, премьер-министр Франции в 1906—1909 и 1917—1920 гг. — *Прим. перев.*) разделил с Цезарем и Людовиком XIV их тревогу по поводу открытой границы с Германией.

Поскольку географические характеристики государств являются относительно неизменными и неизменяемыми, географические притязания этих государств остаются теми же самыми на протяжении веков, и поскольку мир еще не достиг того счастливого состояния, когда потребности одних людей не противоречат интересам других, подобные притязания будут вызывать разногласия. Таким образом, на плечи географии может быть возложена вина за многие длительные конфликты, которые неизменно присутствуют в истории, в то время как правительства и династии испытывают взлеты и падения.

«Бывают ситуации, когда народы и государства встают друг против друга, потому что возможности их развития ограничены географически и экономически, и преимуществами одних должны стать недостатки других. Это всегда бывает так, когда географическое пространство и политические ситуации порождают тенденцию развития различных государств в одном и том же направлении, и тогда одна и та же цель, территория или господство на море, представляются необходимым или стратегически и эконо-

мически важным моментом для нескольких государств... Такие пространственные отношения политического характера являются причиной, почему некоторые вопросы политической истории никогда не уходят в небытие и появляются вновь при различных обстоятельствах».

Однако следует подчеркнуть, что география характеризуется скорее как обуславливающий, а не как определяющий фактор. Такая формулировка выбрана намеренно. Она не подразумевает, что географические особенности играют детерминирующую, причинную роль во внешней политике. Географический детерминизм, который объясняет географией все вещи от четвертой симфонии до четырехмерного изображения, дает такую же искаженную картину, как объяснение политики без упоминания географии. География государства — скорее материал, чем повод для осуществления им политики, однако признать то, что предмет одежды в конечном счете должен быть сшит так, чтобы соответствовать ткани, не означает заявить то, что ткань предопределяет стиль одежды или ее размер. Но география государства не может не приниматься во внимание людьми, формирующими его политику. Особенности территориального плана влияли на них в ее выработке в прошлом и будут продолжать делать это в будущем.

Следует заметить, что существующая немецкая школа «геополитики» отказалась в известной степени от строго географического детерминизма Ратцеля, но только для того, чтобы отойти от искушения метафизикой, которая рассматривает географию в качестве первопричины. Как свидетельствуют признания, ее приверженцы не только занимаются изучением географической обусловленности политических явлений, они также занимаются оправданием политики, что едва ли является научной деятельностью. Вероятно, лучшее изложение своей позиции было дано в 1928 г. четырьмя редакторами журнала «Zeitschrift für Geopolitik»: «Геополитика — это учение о связи поли-

тических процессов с почвой. Она опирается на широкую географическую основу, в особенности на политическую географию, в изучении пространственных политических организмов и их структуры... Геополитика обеспечивает необходимые знания для политических действий и руководства в политической жизни. Таким образом, она является уроком искусства для руководства практической политикой, необходимой для государства, чтобы оно было способным встать на твердую почву. Этот скачок от знания к мастерству делается только тогда, когда неизвестно, где это является безопасным и более опасным. Геополитика — это желание и потребность для географического осознания государства» [4. С. 9].

Во французской школе, основанной Видалем де ла Блашем, последователями которого стали Брюн и Валло, а теперь и Февр, такому детерминизму противопоставляется «поссибилизм», принимающий во внимание возможность изменения людьми географической среды и многие другие факторы, которые объединяются с географическими в предопределении человеческой судьбы: «Истиной и только географической проблемой является использование возможностей» [5. Р. 349]; «...Наиболее совершенный морфологический тип не влечет каких-либо определенных последствий» [6. Р. 223].

То, что мы обозначаем в качестве нашего направления, представляет собой нечто среднее между последним утверждением и детерминизмом Ратцеля. География не предопределяет, но она обуславливает; она не только открывает возможности для использования, она требует, чтобы они были использованы; только воля человека определяет его способности лучше или хуже использовать либо изменить в лучшую или худшую сторону эти возможности.

Указанные особенности оказывают многоплановое влияние на внешнюю политику. Размер оказывает влияние на относительную силу государства в борьбе за превосход-

ство. Природные ресурсы влияют на плотность населения и экономическую структуру, которые сами по себе являются факторами формирования политики. Местоположение относительно экватора и океанов или континентальных масс определяет близость к центрам силы, областям конфликтов и установившимся путям сообщений, а положение относительно непосредственных соседей определяет позицию в отношении потенциальных противников, тем самым предрешая основные проблемы территориальной безопасности.

Однако значение размера и местоположения как факторов внешней политики нельзя оценить без учета определяющих воздействий рельефа местности и климата. Рельеф воздействует на мощь [государства] вследствие влияния на [его] единство и внутреннюю целостность. Климат, влияющий на транспортное сообщение и устанавливающий ограничения на возможности производства сельскохозяйственной продукции, обуславливает экономическую структуру государства и тем самым косвенно, но, безусловно, и его внешнюю политику.

Относительный размер государств при условии существования действительной политической и экономической интеграции в пространстве является приблизительным показателем относительной мощи и, по существу, элементом внешней политики. И хотя в такой абстрактной форме, как общая площадь территории, он не порождает конкретных целей и не придает содержание внешней политике, он тем не менее является показателем способности сопротивляться давлению со стороны других государств и может воздействовать на выбор между войной и дипломатией в качестве инструментов национальной политики.

На протяжении всей истории и особенно в ее ранние периоды подавляющее большинство сильных государств были крупными государствами. Египет, Вавилон, Ассирия, Персия и Рим были — каждое в свое время — крупней-

шими из существовавших государственных образований и, тем самым, наиболее сильными. Правда, в определенные периоды такие небольшие государства, как Афины, Венеция и Голландия, действовавшие как морские державы, смогли на некоторое время посредством установления контроля над морскими путями распространить свое влияние на обширные территории, однако в борьбе на суше они обычно уступали более крупным государствам, а в борьбе на море — государствам с более широкой базой, которая подразумевала большую территорию. Ближе к современности великими державами вновь становились крупные государства. Германия смотрит с тревогой и недовольством на расширившуюся Польшу на своей восточной границе и дальше на огромную Россию, а Япония живет в смертельном страхе перед будущим, когда Китай и Россия, смотрящие ей в лицо через Японское море, проявят свой потенциал и могущество, присущие их гигантским размерам.

Последняя иллюстрация поясняет, что размер не является мощностью, но является потенциальной мощностью. Он является мощностью в такой же мере, в какой размер эквивалентен площади обрабатываемых земель и, соответственно, человеческому могуществу, и по этой причине многие сухопутные державы в прошлом придерживались политики территориальной экспансии. Конечно, со времени промышленной революции могущество стало все более и более соотноситься с индустриальной мощностью. Сырьевые ресурсы и промышленные предприятия становились таким образом предпосылками установления господства над сушей или над морем. Но размер по-прежнему играет роль в том смысле, что, чем больше территория, тем больше шансов, что ей присущи различные климатические условия и меняющийся рельеф и, следовательно, более разнообразные ресурсы и экономические возможности.

Размер имеет первостепенное значение как элемент обороны, особенно если жизненные центры страны удалены от границы. Дойдя до Москвы, Наполеон прогнал измученную армию почти через такое же огромное пространство, как и его собственная империя, только чтобы найти для себя остановку в более спокойном месте, но его тылы снабжения безнадежно отстали. Более ста лет спустя русские белогвардейцы и их союзники безрезультатно растрачивали свои силы в антикоммунистических походах на приграничных российских территориях, тогда как коммунисты невозмутимо обустроивали жизненные центры страны. Враг выявляет сильные и слабые стороны, присущие человеческому роду, и человек может противопоставить ему свою сноровку и решительность. Пространство же просто существует и побеждает в силу своего существования. Конечно, оно может выполнять свои оборонительные функции только тогда, когда жизненные центры страны расположены далеко от границы. В войне между Соединенными Штатами и Канадой огромные пространства Канады представляли бы гораздо меньшую защиту, чем небольшие участки территории США, потому что индустриальные центры и крупные населенные пункты Канады сосредоточены на ее юго-восточной границе в непосредственной близости от противника, тогда как в Соединенных Штатах они расположены далеко позади границы.

Размер и расстояние как элементы обороны приобрели еще большее значение с тех пор как люди стали летать в воздушном пространстве вместо перемещения по земной поверхности. Современный радиус действия эскадрильи бомбардировщиков составляет примерно восемьсот миль. Россия по этой причине является единственной европейской страной, чьи жизненно важные индустриальные и горнодобывающие центры находятся за пределами действия вражеской авиации. Париж расположен менее чем в двухстах пятидесяти милях от Лондона, а Рур — менее чем

в трехстах милях от Парижа. В случае российско-японского конфликта, если Япония разбомбит Владивосток, российское промышленное и сельскохозяйственное производство не сократится, а общая структура обороны страны останется неизменной. Если же российской эскадрилье бомбардировщиков удастся уничтожить Осаку и Кобэ, центр японского производства, транспорта и связи будет разрушен и возникшая в результате дезорганизация вполне может стать более важным фактором поражения Японии, чем небольшая победа на море.

Размер государства никогда не может считаться единственным обуславливающим фактором. Он взаимосвязан с техническим, социальным, моральным и идеологическим развитием, с движущими силами внутри государства, с политической обстановкой в прошлом и с особенностями характера людей. Но он, несомненно, обуславливается спецификой рельефа местности. Влияние рельефа на размер, по общему признанию, уменьшилось с тех пор как человек научился прокладывать тоннели под горными массивами и перебрасывать мосты через глубокие ущелья, но, пока технологические достижения не станут в значительной мере более совершенными, рельеф игнорировать нельзя.

Природа разделила Грецию на небольшие хозяйственные единицы, и поэтому там получили развитие малые политические образования. Долины ориентированы по направлению к центру, однако наиболее плодородные районы страны имели выход к морю, но при этом на суше они были отрезаны от остальной части полуострова. Следовательно, там происходил обмен идеями и товарами преимущественно по морю, а не по суше, и греческие поселения превратились в вереницу городов, многие из которых враждовали друг с другом. Подобная ситуация преобладает сегодня на Балканском полуострове, где каждую долину или равнину отделяют горные хребты, и различные группы сохраняют свои специфические социальные, поли-

тические и религиозные особенности. На полуострове нет естественного центра, вокруг которого могло бы сформироваться крупное государство, и соперничество между малыми государствами является неизбежным. Такое же влияние распределения низменностей и нагорий можно обнаружить и в распаде Римской Империи на относительно небольшие образования в Западной Европе, которые потому и являются небольшими, что низины и возвышенности расположены на относительно малых площадях.

Факторы рельефа, которые создают барьеры на пути экспансии, будут, если эти барьеры преодолеть, продолжать действовать как препятствия для эффективной обороны и успешной интеграции новой территории с прежними владениями. Влияние особенностей приграничной территории на проблемы обороны и внешней политики в целом будут рассмотрены позже. Однако здесь следует остановиться на проблеме эффективного управления совершенно независимо от угрозы агрессии, потому что только благодаря эффективному централизованному управлению большой размер становится элементом могущества, а не слабости. Такое управление зависит прежде всего от двух факторов: от наличия эффективной системы коммуникаций между центром и периферией и от отсутствия или эффективного противодействия центробежным силам сепаратизма. На создание системы коммуникаций, которая, в свою очередь, является одним из наиболее эффективных средств противодействия сепаратистским тенденциям, форма территории и рельеф государства оказывают непосредственное влияние.

Очевидно, что наилучшей формой территории государства является идеальный круг. Благодаря такой конфигурации максимально возможная площадь заключается в наименее протяженные границы, облегчая оборону, а все части территории равноудалены и находятся как можно ближе к правительству, располагающемуся в центре кру-

га. Государства, имеющие вытянутую и узкую форму — и это особенно характерно для сухопутных держав, — несут тенденцию к неминуемому распаду либо путем утраты территории на периферии, где объединяющее влияние правительства наименее ощутимо, либо путем разделения и возникновения новых независимых государств. Примеры проявления данной тенденции можно найти в Османской Империи, потерявшей эффективное управление над всей Северной Африкой и большей частью Балкан прежде, чем эти области были взяты другими державами, а также в Арабской, Монгольской и Македонской империях, предшествовавших ей.

Фактором даже более значительным, чем форма, при установлении централизованного контроля над конкретной территорией является рельеф. От высоты и конфигурации горных хребтов, глубины и ширины долин, направления рек и меняющегося воздействия климата на все эти детали будет зависеть доступность сообщения внутри страны. Там, где горы подобно Андам либо скандинавским или швейцарским горным кряжам преграждают путь либо пересекают ландшафт на разобщенные части, как на Балканском полуострове, сообщение будет долго налаживаться и станет дорогим и нерегулярным; там, где болота или пустыни разделяют две части страны, будет затруднено дорожное строительство; и там, где речные системы идут параллельно, а не сходятся, они не являются подходящими средствами сообщения для расположенного в центре правительства и несут в себе тенденцию скорее к разобщению, чем к объединению.

Над теми частями страны, сообщение с которыми установлено, но не является регулярным, правительство будет иметь слабый контроль. Горное рассредоточение, главная причина существующего этнического размежевания, оказало на Швейцарию определенно децентрализующее воздействие, которое усилила речная система. Что явля-

ется существенным в данной речной системе в плане разобщающего воздействия, так это, конечно, не ее направление, а то обстоятельство, что все реки текут с окраин за границу, не образуя коммуникационной сети внутри страны и создавая тенденцию для более тесного взаимодействия окраинных территорий с другими странами, чем с центральной частью собственной страны. В силу различных политических причин в случае Швейцарии это не привело к реальному политическому разобщению. Однако это стало причиной культурной, языковой и экономической децентрализации, ставшей такой исключительной особенностью Республики. Тот же самый феномен параллельных рек с таким же разъединяющим воздействием можно заметить в Германии, где Рейн, Везер, Эльба, Одер и Висла текут на северо-запад по параллельным линиям, разделяя страну на пять долин и не сходясь ни в одной точке, из которой правительство могло бы распространить свое объединяющее влияние вдоль речных долин на окраины государства. В небольших бассейнах китайских рек сформировались крошечные политические образования, которые стали характерной особенностью всей истории Китая, а три большие речные долины устойчиво оказывали поддержку региональному сепаратизму, который стал препятствием на пути к политическому объединению. В Сибири климат дополняет собой децентрализующее воздействие рельефа, и реки текут не только параллельными курсами, но и по направлению к Арктике, и они покрыты льдом. Не случайно, что Сибирь не стала полезной частью Российской Империи вплоть до развития железных дорог.

Реки могут быть и, конечно, часто бывали главным объединяющим фактором, особенно для ранних политических образований. Первые государства были все без исключения речными государствами, сосредоточенными около Тигра и Евфрата, а также Нила, а французская колониальная империя в Северной Америке была основана в долинах

рек Святого Лаврентия и Миссисипи. Строго с северо-запада от Москвы Днепр течет на юг к Черному морю, Волга — на восток и юг к Каспийскому, а Волхов течет на север через Ладожское озеро и впадает в Финский залив уже как Нева. Поскольку пороги на Днестре ниже Киева создавали препятствия для передвижения, Киев уступил место пребывания правительства Москве, которая благодаря своему расположению на Москве-реке, притоке Оки, впадающей в Волгу, смогла распространить свое централизующее влияние во все уголки европейской части России. Аналогичная сеть рек, сходящихся к Парижу, делает этот город неминуемым центром Франции и неизбежно сосредоточивает Францию вокруг Парижа.

Изначально правительства усиливали свой контроль над территорией, дополняя естественные пути сообщения и пытаясь преодолевать барьеры, связанные с рельефом. Инки объединили свою империю дорогами, персы построили Царскую дорогу от Сардов до Суз, которая преимущественно следовала практически тем же самым маршрутом, как спроектированная примерно две тысячи лет спустя железная дорога Берлин — Багдад; китайцы, французы и русские соединили свои великие реки сетью каналов, а Рим сохранял контакт с отдаленными частями империи посредством дорог, которые были так хорошо построены, что некоторые из них существуют и по сей день. Карл Великий строил дороги, и каждый последующий шаг Французского Королевства к централизации совпадает с этапом совершенствования путей сообщения внутри страны. В период преобразований после Столетней войны Людовик XI создал первую почтовую службу, а в начальный период быстрого национального подъема, наступивший после религиозных войн, Сюлли (Сюлли, Максимильен де Бетюн (1560—1641) — глава французского правительства при короле Генрихе IV. — *Прим. перев.*) спланировал свою первую большую дорожную систему.

Железные дороги, конечно, сделали возможной эффективную интеграцию более обширных пространств. До их развития немногие государства, расположенные в конфликтных зонах, были в состоянии обеспечить контроль над территориями, лежавшими больше чем в трехстах милях от правительственного центра. Поэтому крупные государства воспользовались этим инструментом и построили железнодорожные линии в силу стратегических и политических причин прежде, чем экономическое значение отдаленных областей оправдало такое строительство. Железные дороги Франции, Германии и России расходятся радиусами из Парижа, Берлина и Москвы. Таким образом, большие континентальные державы упрочили свою целостность развитием собственных железнодорожных систем. Трансконтинентальные линии тянутся через Соединенные Штаты, Канаду и Австралию, а Транссибирская и Туркестано-Сибирская железные дороги включили азиатскую часть России в пределы досягаемости центрального правительства. Мадрид, который предпринял слабую попытку в том же направлении, сегодня с сожалением сознает угрозы, связанные с не соответствующей требованиям железнодорожной сетью.

Действительно, иметь железные дороги в качестве наиболее эффективных средств установления контроля над территорией, через которую они проходят, стало настолько важным, что обладание ими стало почти символом суверенитета. «В современном государстве не дорожная сеть, а железнодорожная сеть является основой организма транспортного пространства. На нем лежит роль диспетчерской государства. Кто контролирует сеть железных дорог, тот также контролирует государство. Кайзер Вильгельм поэтому хотел оставить Саксонии политическую самостоятельность, но взять в управление ее железные дороги, что означало бы потерю независимости. О Данциге, вероятно, как о свободном независимом госу-

дарстве фактически не может быть речи, потому что Польша сохраняет контроль над своими магистралями. Обладание железными дорогами, следовательно, стоит на первом месте перед всеми политическими завоеваниями, и наоборот, состояние, когда свои пути сообщения выходят из-под контроля, ведет к утрате части своей политической независимости. Все льготы, предоставляемые на железной дороге (Китай — России в Северной Маньчжурии, Турция) являются актами политической слабости и зарождающегося распада» [8. С. 498—499].

Вслед за развитием железных дорог и внутренних водных путей появились воздушные трассы, которые теперь охватывают каждый континент и которые, несмотря на то, что они все еще не вполне пригодны для транспортировки товаров, являются наиболее совершенным средством поддержания постоянного контакта между центральным правительством и отдаленными частями страны. В этой связи не следует забывать и об эффективности радио как средства культурной и идеологической централизации.

Напротив, упадку больших империй нередко сопутствовало пренебрежительное отношение к системе коммуникаций. Европейские и азиатские государства эпохи Средневековья использовали существующие средства, не заботясь об их улучшении или развитии, и поэтому оставались небольшими по размеру. Действительно существовавшие крупные государства, такие, как Халифат и Империя Монголов, были политическими единицами только по названию, без фактического контроля над окраинными районами своей территории. Новая Турецкая Республика с ее амбициозными планами развития сложной системы коммуникаций, очевидно, воспользовалась примером своей предшественницы.

Хотя стратегическая и политическая проблема интеграции и удержания заморских территорий в корне отличается от представлений относительно отдаленных рай-

онов сопредельной территории, не вызывает сомнения то, что отсутствие должного внимания по отношению к существующим формам коммуникации сыграло роль в потере американских колоний британской и испанской метрополиями. «В восстании против Англии американские колонии следовали признанному закону политической географии. Они образовали отдаленную западную границу Европы; а тенденция к отделению проявляется во всех периферийных владениях... Просто расстояние значительно увеличивает сложность контроля со стороны правительства...» [9. Р. 47].

Таким образом, рельеф, климат и расстояние определяют возможности коммуникации в пределах страны и тем самым значительно уменьшают или увеличивают вероятность развития сепаратизма. В областях, отделенных горами или пустынями или местоположение которых в долине реки предрасполагает их к экономическому взаимодействию скорее с зарубежным государством, чем с другими областями собственной страны, существует тенденция к развитию местных интересов и местной политики и постепенному избавлению от контроля со стороны центрального правительства. Регионализм не обязательно приведет к фактическому разрыву политических связей, если он имеет место не на периферии и не в сочетании с этническими различиями. Регионализм, который в XIX — начале XX вв. вызвал распад турецкой и австрийской империй и привел к созданию независимых государств в Центральной и Восточной Европе, проистекал из существования этнических единиц, а не областей, изолированных рельефом, хотя рельеф сыграл свою роль в предотвращении этнического смешения. Когда регионализм принимает враждебную форму национализма, как это было в указанных случаях, он может разрушить даже такое государство, как Австро-Венгрия, которое имело элемент природно-географического единства как государство бассейна Дуная.

Регионализм, который не доходит до сепаратизма, тем не менее создает трудности в выработке единой национальной политики, поскольку интересы различных регионов неизбежно будут противоречивыми, и национальная политика будет в таком случае представлять собой компромисс между этими противоречиями. Парадоксальной особенностью регионализма является то обстоятельство, что экономический регионализм может быть одним из самых сильных элементов единства государства благодаря товарообмену, которому он способствует, и одновременно быть элементом разобщения во внешней политике вследствие трудностей учета во внешнеторговой политике противоречивых требований различных регионов, связанных с протекционизмом, рынками сбыта, сырьем и капиталом.

Таким образом оказывается, что регионализм — это сложное явление, результат взаимодействия многих факторов, среди которых не менее значимы рельеф и климат. Регионализм можно сегодня обнаружить в Соединенных Штатах, Бразилии и Австралии, прежде всего, в экономической специализации, определяемой рельефом и климатом; в Германии, где он обусловлен рельефом местности и идеологически; во Франции, где он существует как географический, экономический, традиционный и идеологический. В настоящее время технологический прогресс, который проявляется в развитии железных дорог, судостроения и авиации, дает возможность преодолеть почти все элементы регионализма, связанные с рельефом, и, следовательно, эффективно объединять пространства практически любого размера. Затем, наверное, можно с уверенностью сказать, что экономический регионализм оказывает наиболее заметное влияние на внешнюю политику.

Следовательно, становится очевидным, что большой размер, особенно в сочетании с благоприятным климатом и плодородной почвой, является важнейшим элементом могущества, но такое могущество может стать действительным только после того, как будет установлено центра-

лизированное управление на всем пространстве путем создания эффективной системы коммуникаций. Если рельеф и климат способствуют развитию коммуникаций, то переход от большого государства к сильному государству будет быстрым. Если рельеф и климат создают препятствия, государству придется ждать, пока у него под рукой окажутся необходимые элементы капитала и технологических навыков, чтобы преодолеть естественные препятствия искусственным путем. Поэтому становится ясным, почему Турция до 1914 г., а Бразилия и Китай сегодня, хотя и находятся в числе крупнейших государств мира, по-прежнему являются второстепенными державами. Значительная часть турецкой территории была пустынной, и, как мы уже отмечали, у страны не было должной системы коммуникации и эффективного управления.

Тот же самый недостаток систем коммуникаций, сочетающийся в случае Китая с полным отсутствием индустрии, по-прежнему удерживают и Бразилию, и Китай от фактического объединения их обширных территорий. Определенный выход из ситуации, когда размер означает потенциальное могущество, состоит в том, что с распространением западных технологий большой размер в сочетании со временем и волей к власти будет практически неизбежно означать действительное могущество.

Список литературы

1. Spykman N.J. Geography and Foreign Policy // The American Political Science Review. 1938. Vol. 32. № 1. P. 28—39.

2. Napoléon au Roi de Prusse, Novembre 10, 1804 // Correspondance de Napoléon Ier. Tome X. Paris: Henri Plon, J. Dumaine, 1862. P. 46—48.

3. Topf E. England und Russland an den Türkischen Meerengen // Zeitschrift für Geopolitik. 1928. Bd. II.

4. Hennig R. Geopolitik. Die Lehre vom Staat als Lebewesen. Leipzig und Berlin: B.G. Teubner, 1931. viii, 396 s.

5. Febvre L. A Geographical Introduction to History. London: Kegan Paul, Trench, Trubner; New York: Alfred A. Knopf, 1925. xxii, 394 p.

6. Berr H. Foreword. The Effect of Environment on Man and Man's Exploitation of the Earth // Febvre L. A Geographical Introduction to History. London: Kegan Paul, Trench, Trubner; New York: Alfred A. Knopf, 1925. P. v—xx.

7. Newbigin M. The Mediterranean Lands; An Introductory Study in Human and Historical Geography. New York: A.A. Knopf, 1924. 222 p.

8. Maull O. Politische Geographie. Berlin: Gebrüder Borntraeger, 1925. xiv, 742 s.

9. Semple E.C. American History and Its Geographic Conditions. Boston and New York: Houghton, Mifflin and Company, 1903. 466 p.

ФАКТОР МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ

Каким бы значительным ни был бы размер [территории], он всецело не определяет позицию государства в иерархии мировых держав и может оказаться менее показательным по сравнению с местоположением в определении его значимости в международных отношениях и в определении его внешнеполитических проблем. Местоположение государства может быть описано с точки зрения его расположения в мире в целом, то есть относительно континентальных масс и океанов, или с точки зрения регионального местоположения, то есть относительно территории других государств и своего непосредственного окружения. В первом случае описание будет осуществляться в понятиях широты, долготы, высоты над уровнем моря и удаленности от морского побережья; во втором — с позиций взаимоотношений с сопредельными регионами, расстояний, путей сообщения и особенностей приграничной территории.

Полное описание географического положения государства будет включать в себя не только обе эти точки зре-

ния на данные о его местоположении, но и анализ значения этих данных. Сведения о местоположении остаются неизменными. Но значение этих сведений меняется с любым изменением в средствах связи, в путях сообщения, в военной технике и в [расположении] центров мирового могущества, и полное осмысление конкретного местоположения можно получить, если только рассматривать соответствующее пространство в двух системах координат: географической, благодаря которой мы получаем данные о местоположении, и исторической, в которой мы даем оценку этим данным.

Географическое положение государства, выраженное к тому же с точки зрения сведений о его местоположении в мире и регионе и их значения, является наиболее существенным фактором, определяющим его внешнюю политику. Оно может изменить роль размера [территории] и объяснить историческую значимость многих небольших государств. Оно обуславливает и оказывает влияние на все другие факторы по той причине, что местоположение в мире определяет климатические зоны и тем самым структуру экономики, а местоположение в регионе обозначает потенциальных противников и тем самым проблему территориальной безопасности, потенциальных союзников и, возможно, даже ограничения роли государства в качестве участника системы коллективной безопасности. Если британцы были бы готовы отказаться от империи, то сдвиг их острова на тысячу миль к западу мог бы позволить им наслаждаться роскошью «изоляционизма». При существующем местоположении, будь у них империя или не империя, они неизбежно оказываются втянутыми в политику континентальной Европы.

С тех пор, как французы выкопали ров недалеко от Суэца, а затем французы и американцы проткнули траншеей Панамский перешеек, большие континентальные массы мира стали включать в себя два острова — Евразию и

Северную Америку, которые из-за проблем с навигацией в Северном Ледовитом океане функционируют в качестве полуостровов, а также три настоящих острова — Южную Америку, Африку и Австралию. Местоположение государства в мире ставит, таким образом, вопрос о его расположении относительно указанных континентальных масс. Тот факт, что огромные континентальные массы находятся в северном полушарии и что крупнейшие континентальные массы, которые действительно существуют в южном полушарии, располагаются в тропиках, имеет вполне определенные и очевидные последствия. В политическом и индустриальном плане северное полушарие всегда будет более значимым, чем южное, и отношения между различными частями северного полушария будут оказывать большее влияние на мировую историю, чем отношения между частями южного полушария или между двумя полушариями. Поэтому расположение государства к северу или к югу от экватора будет играть существенную роль в определении политического значения данного государства, особенностей его международных отношений и проблем его внешней политики.

Расположением относительно экватора будет в значительной степени определяться климат, а политическая деятельность в мире большей частью сосредоточена в зонах с умеренным климатом; хотя там, где океанические течения и другие факторы меняют обычные климатические условия, значение местоположения будет в известной мере меняться. На европейском побережье, которое прогревается Гольфстримом, государства могут существовать намного севернее полярного круга, но при этом устье Амура, порты Камчатки и Лабрадор закрыты льдами шесть месяцев в году. В целом, однако, история вершится между 25 и 60 градусами широты, но поскольку в указанных пределах лежит очень небольшая часть континентальной массы южного полушария, то история вершится между 25 и 60 градусами северной широты.

Тем не менее, значение местоположения [государства] в мире не прояснится до тех пор, пока оно будет выражаться указанием не только на континентальные массы, но и на океаны. Пятью основными водными пространствами являются Южный Ледовитый, Северный Ледовитый, Индийский, Тихий и Атлантический океаны. У Южного Ледовитого океана нет притока воды с суши, а расположение на Северном Ледовитом океане будет по-прежнему на протяжении длительного времени создавать значительные трудности, несмотря на героические усилия советского правительства по освоению морского пути вдоль северного побережья Сибири.

Из трех оставшихся океанов Атлантический является наиболее значимым, потому что благодаря распределению горных цепей и в результате стока рек он имеет наиболее благоприятное соотношение водной и земной поверхности. Имея площадь в 35 млн квадратных миль, он собирает воды с 19 млн квадратных миль суши, и, за исключением Африки, судоходные качества большинства впадающих в него рек позволяют легко добираться до внутренних областей континентов. На побережье Атлантики и ее морей, вдающихся в глубь материков, проживают 900 млн человек, или 44 % от общего числа населения земного шара, причем оно включает в себя большинство территорий с высоким уровнем жизни. «На Атлантический мир приходится по крайней мере две трети мирового экспорта, а возможно и больше. Грузоперевозки через Атлантику составляют 75 % от всех морских перевозок. Производство важнейших видов сырья и готовой продукции в равной мере сосредоточено на берегах Атлантики и внутри Атлантического мира» [3, р. 93].

Атлантический ареал включает в себя местонахождение всех крупных государств и основных военных баз всех великих морских держав, за исключением Японии.

Для Тихого океана соотношение его поверхности и бассейна менее благоприятно. Океан имеет площадь 68 млн квадратных миль, а поверхность водосбора — только 8 млн квадратных миль. «Примерно 723 млн человек, или 35,4 % от общей численности населения мира, проживают на берегах Тихого океана» [3, р. 93]. Большинство из них живут в Азии с относительно низким уровнем жизни. Еще не скоро Тихий океан можно будет сравнить с Атлантическим в торговом отношении, однако в настоящее время не только золотые запасы, но и объемы внешней торговли стран Тихоокеанского региона определенно увеличиваются, а относительные возможности Атлантики и Тихого океана меняются в пользу последнего.

Географически мир Индийского океана находится между двумя другими, с которыми его соединяют Малаккский пролив и Суэцкий канал. Там проживают около 400 млн человек, то есть 19,8 % от общей численности населения, в большинстве — при очень низком уровне жизни. За исключением Австралии, это — колониальный мир, который не порождает политику и по сей день практически остается британским морским владением.

Таким образом, Северная Атлантика сегодня является наиболее благоприятным водным пространством, у которого могло бы располагаться государство. Южная Атлантика занимает следующее по значимости место, за ней идут северная и южная части Тихого океана и Индийский океан. Но наш анализ климатических условий и распределения континентальных масс привел к заключению, что мировая политическая активность сосредоточена и будет продолжать сосредоточиваться между 25 и 60 градусами северной широты. Поскольку местоположение в мире является элементом могущества и значимости, те государства, которые расположены в умеренной климатической зоне северного полушария с прямым или опосредованным доступом к северной части Атлантического океана, окажутся

наиболее дееспособными в политическом и индустриальном отношении и по этой причине займут место мировых держав. С тех пор, как люди впервые пересекли Атлантику, Япония является единственной великой державой, которая развивается вдали от ее берегов.

Государством, пользующимся наибольшим преимуществом в мире с точки зрения своего местоположения, являются Соединенные Штаты. Они омываются двумя океанами и поэтому имеют прямой доступ к двум важнейшим мировым торговым пространствам. До строительства Панамского канала этот факт имел лишь ограниченное значение, поскольку высота и направление Скалистых гор и Сьерра-Невады делают США прежде всего бассейном Атлантики. После того, как был пробит Панамский перешеек, территории к востоку от Скалистых гор, которые навсегда останутся сердцем и ядром континента, получили удобный путь к Тихому океану, и вся структура экономики Соединенных Штатов получила доступ к двум океанам.

Таким образом, местоположение определяется в первую очередь большими континентальными и океаническими пространствами. Однако нужно помнить, что такая глобальная система координат отличается для разных государств, потому что в каждом из них она имеет собственную точку отсчета, а именно столицу данного государства. Каждое министерство иностранных дел, какой бы атлас оно ни использовало, мысленно работает с другой картой мира. Это означает, что та или иная область мирового пространства будет иметь для двух государств, расположенных далеко друг от друга, совершенно разное стратегическое и политическое значение, — именно это обстоятельство и несет ответственность за несостоятельность нашей системы всемирной коллективной безопасности. Оно также предопределяет и практически непреодолимые трудности, возникающие при попытках достижения эффективного политического сотрудничества между государствами с

сильно различающимися системами координат, — обстоятельство, о котором обычно забывают в атмосфере тяжелого аромата сигар и доброжелательности на банкетах после официальных встреч.

Данные, касающиеся местоположения, не меняются, однако значение таких данных меняется. У раннее описанной системы координат, способствующей оценке местоположения в мире, есть и географический, а следовательно, постоянный, и исторический, а следовательно, переменный аспект. Следует также помнить, что значимость данного местоположения является и фактором внешней политики конкретного государства, и результатом исторического прошлого этого же государства. Местонахождение в Северной Атлантике является для Соединенных Штатов и фактором внешней политики, и [результатом] развития, объясняющими нынешнее значение Атлантики. Последнее — проблема для историков; первое — исходный факт для государственного деятеля.

Медленными, но необратимыми по своим последствиям являются изменения в значимости местоположения, которые происходят вследствие смещения центров распространения культуры и военной мощи. Издревле западная цивилизация развивается вокруг крупных водоемов. Греческая цивилизация окружала Эгейское море, римская цивилизация опоясывала Средиземноморье, а в настоящее время западная цивилизация окружает Атлантику. Поэтому значимым является местоположение относительно водного пространства, которое в конкретный исторический период включает в себя исходный ареал распространения культуры.

Общее направление, в котором смещалась цивилизация на протяжении веков, — из субтропических широт на север к прохладному умеренному поясу и с востока на запад.

«Вся древняя цивилизация располагалась между 20 и 30 градусами северной широты: на Востоке находилась китайская цивилизация на побережье Янцзы, в центре — индийская цивилизация на берегах Ганга и, наконец, на Западе — цивилизации Месопотамии и Египта вдоль Нила. Затем, в более позднее время, цивилизация сместилась примерно на десять градусов к северу и получила свое развитие между 35 и 45 градусами северной широты, а именно: на Востоке — китайская цивилизация на берегах Хуанхэ, а на Западе — греческая и римская. Что же касается современной цивилизации, то она развивалась, так же продвинувшись дальше на север, между 45 и 55 градусами широты: это северо-западная Европа, это Соединенные Штаты Америки и т. д.» [4, р. 84, note].

Очевидно, что такие смещения центров мирового могущества вполне могут в значительной мере или навсегда наложить печать на судьбу государства. В I в. до н. э. центр могущества находился в Средиземноморье, а область Европы, называемая сегодня Нидерландами, располагалась на Северном море и не имела значимости, будучи удаленной от сфер активности. После 1500 г. центр могущества переместился в Западную Европу, и Нидерландам, владевшим устьем одной из самых важных европейских рек и расположенным между другими государствами, было предопределено стать мировой державой, которая приобрела положение исключительной политической и торговой значимости, за что она заслуживает похвалы не больше, чем заслуживает осуждения за свою прежнюю изоляцию. Напротив, в 2000 г. до н. э. Сирия и Палестина располагались в сердце мировой цивилизации и активности, между великими империями Вавилона и Египта, тогда как две тысячи лет спустя они оказались далеко на востоке относительно центра могущества. Шло время, они приобрели и, возможно, в той или иной степени сохраняют свое существенное значение в качестве связующих земель: самые ко-

роткие пути между Европой и Азией, будь то караванные, автомобильные или воздушные, должны проходить через Малую Азию. Но пока цикл движения цивилизации не завершится и политическая жизнь вновь не сосредоточится на восточном побережье Средиземного моря, Сирия и Палестина должны примириться с ролью скорее перевалочных, а не конечных пунктов назначения.

В Средние века, после того как пало могущество Рима, Европа по-прежнему смотрела на восток и юго-восток, где находились наиболее процветающие порты и самые космополитичные города Средиземноморского побережья. Однако с открытием Америки центр притяжения переместился на северо-запад, и с начала XVI по начало XX вв. центры богатства, культуры и политической жизни находились в Западной Европе. Великобритания, используя преимущества островного местоположения и последовательно осуществляя свою политику баланса сил на континенте, оказалась в состоянии доминировать над миром благодаря собственной морской силе. С подъемом Соединенных Штатов до статуса мировой державы после испанско-американской войны могущество Великобритании в Западной Атлантике и Южной Америке пошло на убыль. Точно так же с подъемом японского могущества после мировой войны, и особенно после того, как Вашингтонская конференция закрепила статус Японии на морях, Великобритания и Соединенные Штаты утратили свое господствующее положение в западной части Тихого океана.

Центр мирового могущества покинул Западную Европу, или, скорее всего, центра мирового могущества больше нет. Эпоха мировой истории подошла к концу. Особенностью нового периода стала децентрализация могущества и создание больших сфер, над которыми доминируют различные центры: над обеими Америками — Соединенные Штаты, над Дальним Востоком — Япония, над сердцевиной (heartland) Евразии — Москва, над восточной ча-

стью Атлантики и Индийским океаном — Европа. Такие великие сдвиги изменяют и значимость местоположения каждого ареала, и соответственно проблемы внешней политики. Проблемой Рима уже является не Карфаген, а Лондон, республики Центральной Америки сменили свои опасения по поводу намерений Лондона опасениями по поводу планов Вашингтона, китайцы теперь столкнулись не с требованиями далеких европейских держав, а с агрессивным соседом.

Если смещение центров цивилизации и могущества происходит очень медленно, то смещение путей сообщения может изменить значимость местоположения в течение относительно короткого отрезка времени. С открытием морского пути в Индию старый маршрут через Ближний Восток, Средиземноморье и Центральную Европу перестал быть востребованным. Данное обстоятельство, наряду с открытием Америки, превратило Атлантику в сцену наиболее важных действий, происходящих в мире, а Средиземное море — во второстепенное внутреннее море. Венеция уступила свое положение королевы мировой торговли Испании и Португалии. В то же самое время Балтика, прежний центр североευропейской торговли, стала отрезанной от главных торговых путей. Процветавшие Нюрнберг и Аугсбург утратили свою значимость вместе с Любеком и другими ганзейскими городами, тогда как Гамбург и Бремен, а еще в большей степени Нидерланды и Англия переместились с периферии мировой торговли к ее центру. Поскольку суда стали совершать плавание вокруг южной оконечности Африки, Кейптаун занял исключительное положение; однако он потерял свое торговое значение в 1869 г., когда открытие Суэцкого канала вновь перенаправило торговлю в Средиземное море, а Ближний Восток вновь обрел свою прежнюю значимость, которая сегодня возрастает, потому что там сходятся воздушные пути из Европы в Азию. Значительная часть грузоперевозок, которые

прежде осуществлялись через порты Бразилии и Аргентины, теперь проходит через Панамский канал с выгодой для Центральной Америки и западного побережья Соединенных Штатов но соответственно с ущербом для торговли на восточном побережье Южной Америки.

Строительство железных дорог, как и каналов, может привести к изменению значимости местоположения. Открытие Транссибирской железной дороги в 1901 г. нанесло смертельный удар Кяхте, прежнему центру китайской чайной торговли, поскольку дорога недостаточно располагала к тому, чтобы включить Кяхту в свой маршрут, тогда как Чита, Иркутск и другие дремавшие сибирские города оказались на железнодорожной линии от Петрограда до Владивостока. Постройка Туркестано-Сибирской железной дороги от Новосибирска до железнодорожной линии Москва — Ташкент установила для региона, который был практически изолирован на протяжении веков, прямое сообщение, с одной стороны, с Тихоокеанским побережьем, а с другой — с Москвой и Петроградом. Яркенд, точка, из которой торговый поток из Синьцзяна прежде направлялся в Британскую Индию, уступил позицию центра торговли Кашгару и Кульдже, потому что у этих городов был доступ к железной дороге. Николаевск-на-Амуре стал одним из конечных пунктов железной дороги от Тайшета до побережья, а Комсомольск, которого до недавнего времени не существовало, является теперь главной станцией железной дороги и местом соединения трех ее ответвлений на Николаевск, Хабаровск и новый, пока еще не имеющий названия порт, который будет построен восточнее Комсомольска, придавая районам Приморья такое торговое и стратегическое значение, которое невозможно было представить пятьдесят лет назад.

Представляется едва ли не аксиомой, что та или иная страна или область должна извлекать выгоду вследствие смещения путей сообщения или торговых маршрутов, бла-

годаря которому она оказывается непосредственно на линии движения транспорта или недалеко от нее. Несмотря на то, что это верно с экономической точки зрения, оно не обязательно верно политически. Если страна, через которую проходит маршрут, недостаточно сильна, а маршрут имеет существенное значение, ценой вопроса вполне может стать яблоко раздора между великими державами мира, и за свое выгодное местоположение можно заплатить собственной независимостью. Египет не был достаточно силен или достаточно устойчив, чтобы ему можно было доверить защиту Суэцкого канала, и он был вынужден покориться британской оккупации. Канал через перешеек в Новом Свете был слишком важным путем сообщения между восточным и западным побережьем Соединенных Штатов, чтобы оставаться в руках Колумбии, и поэтому государство Панама провозгласило свою независимость. Перешеек Кра — логичное место для канала между Тихим и Индийским океанами. Японцы со своим даром подражания могут однажды захотеть скопировать англо-саксонцев и прорыть канал самостоятельно, тем самым нарушая существующее соотношение сил в Индийском океане и уничтожая значимость Сингапура. В течение этого периода Сиам может продолжать рассчитывать на живой интерес к своему развитию как в Лондоне, так и в Токио.

Некоторые изменения в маршрутах уже обозначились, и их влияние на значимость географического положения является результатом технологического развития средств сообщения. До создания парохода не представлялось возможным, чтобы люди могли перемещаться по морским кругосветным маршрутам. С созданием самолета в большей степени, чем когда-либо раньше, появилась возможность проложить кругосветные маршруты преимущественно над сушей, хотя над широкими участками моря самолету, пока не будет увеличена дальность его беспосадочного пере-

лета, придется следовать теми маршрутами, где он сможет найти места для промежуточных посадок на островах.

Поскольку появились новые пути сообщения, отдельные участки земной поверхности, очевидно, приобретут, тогда как другие области утратят свою значимость. Будущее развитие воздушных перевозок означает, что многие ныне бесполезные и невостребованные участки территории станут весьма желанными. Соединенные Штаты, Великобритания и Россия уже давно спорят по поводу владения островом Врангеля, который был открыт в 1881 г. и расположен в Северном Ледовитом океане на прямой воздушной линии от Нью-Йорка до Токио. Великобритания заявила о правах на остров в 1916 г., в 1924 г. Соединенные Штаты водрузили там свой флаг, но три дня спустя на нем был поднят российский флаг. Россия заявляла о присоединении острова в 1916, 1924 и 1926 гг., а в 1927 г. основала там поселение, но Соединенные Штаты отказались признать эту аннексию. Лагерные походы гавайских бойскаутов на острова Бейкер, Джарвис и Хоулэнд, которые закрепили за этими коралловыми пятнышками официальные названия, дополняя их открытие овладением, внесены в список скаутских добрых дел. Бермудские и Азорские острова, острова Зеленого Мыса, Святой Елены, Вознесения, Тристан-да-Кунья, Фернандо де Норона и Святого Павла расположены на возможных воздушных маршрутах будущего, а Мидуэй, Уэйк и Гуам обозначают путь из Соединенных Штатов к Филиппинам. Территории, до сих пор исключенные из мировой торговли, такие, как северная Сибирь, Ирландия и Гренландия, лежащие на прямом воздушном пути из Нью-Йорка в Европу, окажутся в центре всемирного торгового потока, а не далеко за его пределами.

Но благодаря новым транспортным средствам, даже если это не предполагает изменения маршрута, то же самое географическое положение приобретает иное стратегическое и политическое значение, поскольку расстоя-